

Ричард Магуайр

**Марксизм-ленинизм и тоталитаризм:
теория государства и «холодная война»**

В своей книге «Щит Ахиллеса» (*The Shield of Achilles*) Филип Боббитт доказывает существование тесной взаимосвязи между государством и конфликтом, утверждая, что «развитие государства подпитывалось энергией эпохальных войн»¹. В этом случае этническое государство – лишь одна из форм государства, отвечавшая потребностям войн, продолжавшихся с пятнадцатого столетия, которая успешно вытеснила другие соперничавшие с ней формы и которой неизбежно предстояло уступить место последующим формам, выплавленным в жаре конфликта. Для Боббитта конец эпохальной войны двадцатого столетия – когда этническое государство в его парламентской форме победило его соперников, фашизм и коммунизм – показал неспособность современного этнического государства выполнить общий посул его гражданам: облегчить реализацию некоторых моральных результатов. В попытке осуществления этого посула государство использовало свою основную роль, принуждение, для вторжения в частную жизнь гражданина, но постигшие его неудачи потребовали перефокусировки государственной активности на более узкую и более допустимую область обеспечения безопасности. Боббитт дает определение новому «рыночному государству», которое, по его мнению, стремится до предела увеличить доступные его

---

¹ P. Bobbitt, *The Shield of Achilles. War, Peace and the Course of History*, London, 2002, p. xxi.

гражданам возможности, а не их материальное благосостояние, используя «стимулирующие структуры и иногда драконовские наказания». Он утверждает, что присущее государству право на употребление насилия означает, что ему следует доверять в исполнении задач принуждения, в которых оно является единственно искусным и каковые оказались «негодны для эффективного контроля рынка». Прозрачность и участие в управлении должны быть переоценены, а населению придется принять «разъединение государственного аппарата и национального сообщества», допустить «более сильное и более централизованное руководство», которое может предоставить насильственное по своей сути государство².

Работа Боббитта служит полезной иллюстрацией такого подхода к государству, который стал общепринятым в европейской и североамериканской мысли последних тридцати лет, пропитывая современные дискуссии о власти и столь различных явлениях, как обеспечение благосостояния и геноцид, и определяя характерные черты многих недавних теоретических взглядов на само понятие государства. Однако немногие, как представляется, признают подобный взгляд. В то время как между авторами имеются широкие различия в деталях, общие особенности этого представления состоят в том, что государство достаточно согласовано и организовано, чтобы рассматриваться в качестве унитарного действующего лица в пределах исторических сроков; что определяющим свойством является принуждение и что оно отделено от гражданина. Власть этого образа такова, что Штейнмец воспринимает идею государства как «организации, имеющей в своем распоряжении принуждение и отличной от домашних хозяйств и родственных групп», как «основополагающее определение, с которым согласятся многие социологи»³. По существу говоря, многие теперь представляют государство как

---

² *Ibidem*, pp. 17, 34, 217-219, 235-239.

³ G. Steinmetz, *Introduction* // G. Steinmetz (ed.), *State/Culture. State Formation after the Cultural Turn*, Ithaca and London, 1999, p. 3.

нечто в своей основе угрожающее и обязательно конфликтующее с гражданином, нечто по сути своей опасное.

В данной статье мы попытаемся выяснить, почему данный подход к государству получил такое распространение, и предложить свой ответ, связанный с конфликтом, а именно с «холодной войной»; при этом ответ, весьма отличный от ответа Боббитта. Вместо того чтобы утверждать, что реальное изменение в структуре «государства» произошло в прошлом столетии, мы заявляем, что доминирующую интерпретацию понятия изменила «холодная война». Возможно и вполне очевидно, что главенствующую роль в «холодной войне» занимала риторика о государстве, притом что отчасти она представлялась как столкновение между «капиталистическим государством» и «коммунистическим государством». Гораздо менее очевидно, каким образом это положение вещей преобразовало идею государства в Европе и Северной Америке. Многие из тех, кто употребляет этот термин в современных академических и политических дискуссиях, делают это так, будто бы идея «государства» не представляла никакой проблемы. Однако дело обстоит иначе, ибо термин может использоваться для обозначения множества различных явлений, от Аристотелева понятия политического сообщества до усеченного «этнического государства», от аппарата власти в данном географическом местоположении до источника экономических структур или метода самоописания политической системы. Любое беглое исследование употребления термина подтвердит, что историки, философы, социологи, журналисты и политические деятели используют его без определения, принимая на веру то, что их аудитория и так понимает, о чем идет речь. Именно согласно с этим неписаным значением и «общепринятым» пониманием рассматривается государство как слитная сущность, отличная от общества, в ее основе лежит насилие, на котором и сосредоточивается данная статья. Существует тенденция рассматривать это представление как отражение продолжающейся власти того, что Линн Виола назвала «традиционным бинарным государством-обществом»,

однако, возможно, это и не так⁴. Когда это недавнее представление сравнивается с идеями, выдвигаемыми всеми сторонами, вовлеченными в «холодную войну», становится очевидно, что оно имеет сильное сходство с тем, что можно было бы назвать «официальными» идеями о государстве времени «холодной войны» марксизма-ленинизма и тоталитаризма, и что эта точка зрения относительно нова и весьма многим обязана влиянию этого затянувшегося конфликта⁵.

Позитивное государство

Обычно европейские и североамериканские авторы анализируют субъект государства, исследуя то, что рассматривалось как дискретные части мысли, категоризированные очевидным идеологическим наследием и часто описываемые с использованием тех или иных категорий марксизма, элитизма, статизма и плюрализма⁶. Другие пытались отождествлять употребления узнаваемо «современного» понятия государства в более ранние периоды и затем устанавливать связи между эпохами⁷. Некоторые авторы также часто отождествляли под-

---

⁴ L. Viola, *Introduction* // Lynne Viola (ed.), *Contending with Stalinism. Soviet Power & Popular Resistance in the 1930's*, Ithaca and London, 2002, p. 9.

⁵ Эта статья основана на обширном исследовательском проекте, посвященном изучению государства в европейской и североамериканской мысли на протяжении последних четырехсот лет. Приношу свою благодарность исследовательскому Британскому совету по искусству и гуманитарным наукам за финансовую поддержку этого предприятия.

⁶ R. King, G. Kendall, *The State, Democracy and Globalisation*, Basingstoke, 2004, pp. 58-82, 186-213; D. Marsh, G. Stoker, *Theory and Methods in Political Science*, Macmillan, 1995, pp. 209-267; R.A. Alford, R. Friedland, *Powers of Theory. Capitalism, the state, and democracy*, Cambridge, 1985, pp. 1-31; M. Mann, *The Sources of Social Power. Volume II: The rise of classes and nation-states 1760-1914*, Cambridge, 1993, pp. 44-45.

⁷ Q. Skinner, *The Foundations of Modern Political Thought. Vol. 2: The Age of Reformation*, Cambridge, 1978, pp. 352-358, Q. Skinner, *Language and Political Change* // T. Ball, J. Farr, R. L. Hanson (eds.), *Political Innovation and Conceptual Change*, Cambridge, 1989, pp. 89-91. Этот же подход исследуется в кн.: О. Kharkhordin, *What is the State? The Russian Concept of Gosudarstvo in the European Context* // „History and Theory”, 40 (2001), pp. 221-227. См. также J. Keane, *Despotism and Democracy. The Origins and Development of the Distinction between Civil Society and the State 1750-1850* // J. Keane [ed.], *Civil Society and the State. New European Perspectives*, London, 1988, pp. 35-36.

ходы, основанные на анализе микрофизики власти, в направлении того, что Фуко называл «государственностью» (*governmentality*)⁸. В каждом случае общей направленностью было исследование и анализ этих подходов путем отслеживания их обособленных путей развития. Выявить различия в понимании государства европейскими и североамериканскими мыслителями можно лишь тогда, если сдвинем фокус и сконцентрируем наш взгляд не на различиях между подходами практиков, а на их отношении к обсуждаемому вопросу. Если мы сделаем это применительно к периоду после начала двадцатого столетия, то станет ясно, что столь отличные авторы, как Гоббс, Руссо, Токвиль и Спенсер, разделяли позитивную идею государства. Это не значит, что все эти мыслители исповедовали одну и ту же «теорию» государства; просто все они разделяли допущение, что государство играет положительную и решающую роль в общественном строе.

Можно было бы начать с обсуждения особенностей употребления слов *stato* у Маккиавелли, *République* или *estat* у Бодена, или *civitas*, *commonwealth* и *state* у Гоббса. Если вместо того чтобы искать в их словах «современное» понимание термина «государство», вы исследуете их отношение к тому, что они пробовали описать, станет очевидно, что все они делали акцент на положительном характере аппарата управления, как бы его ни называли. Советы Маккиавелли могли бы показаться проблематичными на современный взгляд; однако его цель состояла в том, чтобы защитить одобряемую им форму управления⁹. Аналогично, для Бодена этика формы управления зависела не от теоретического понятия государства, а от действий людей в определенных контекстах¹⁰. Гоббс фокусировался на *commonwealth*; использованный им термин во многом превосходит государство, но в последние годы он часто к нему

---

⁸ M. Foucault, *Governmentality* // G. Burchell, C. Gordon, P. Miller (eds.), *The Foucault Effect: Studies in Governmentality*, Chicago, 1991, p. 102; B. Hibou, *Preface* // B. Hibou [ed.], *Privatising the State*, London, 2004, p. xi.

⁹ N. Machiavelli, *Il Principe*, edited by B. Richardson, Manchester, 1979, p. 2.

¹⁰ J. Bodin, *Les Six Livres de la République*, Aalen, 1961, p. 272.

приравнивается. В действительности он полагал, что страшить следует не государства или державы, а того, для чего важной и желанной задачей является удерживание граждан от некоторых последствий их «естественных страстей»¹¹. В основе его отношения к державе лежало допущение, что именно эти страсти и сделали управление вещью положительной и необходимой¹². Несмотря на то, что все эти авторы исповедовали различную философию и идеи о человеческой природе, для всех них коннотации, связанные со словами *stato*, *l'estat*, *Republique*, *commonwealth* и *civitas*, были позитивны. Эти слова выражали разнообразные средства регулирования и дозволения выражения человеческих страстей, смягчающие возможные крайности. Проблема, которую все они выдвигали на первый план, состояла в том, что некоторые люди вредят надлежащему управлению своими действиями. Различия между ними были программными и касались средств, которыми может быть достигнуто хорошее управление. Не было никакого смысла в том, что управление неминуемо негативно и основано в первую очередь на принуждении. Ошибки и достижения управления они связывали с человеческими страстями и эмоциями.

Столетие спустя Руссо утверждал, что государство, основанное на разумном согласии его граждан, не является угрозой. Его мысль состояла в том, что государство не хорошо и не плохо само по себе, а скорее отражает потребность в социальных структурах, в которых и скрывается возможная опасность¹³. Любая попытка использовать работу Руссо как основание политической программы должна обратиться к последующим доводам о том, что такое рациональное государство неявно требует принудительной машины, потому что помещает аппарат принятия решения в руки элиты и таким

---

¹¹ Т. Hobbes, *Leviathan*, edited by R. Tuck, Cambridge, 1996, pp. 117-120.

¹² Т. Hobbes, *De Cive: the English Version entitled in the First Edition Philosophical Rudiments Concerning Government and Society*, Oxford, 1983, Preface, p. 9.

¹³ J.J. Rousseau, *The Social Contract and other later political writings*, edited by Victor Gourevitch, Cambridge, 1997, pp. 61-64.

образом предоставляет совсем небольшие гарантии от его узурпации диктаторским режимом¹⁴. Эта мысль, однако, несущественна при обсуждении его отношения к понятию государства, ибо этот недостаток является признаком не его основного видения государства, а идей относительно того, как достигнуть определенного политического и социального плана. Непосредственно важным пунктом относительно самого понятия является то, что для Руссо триумф диктаторской формы правления означает узурпацию правильного порядка. Это искажает общую волю и выливается в государство, основанное не на согласии и не на разуме, которое потому и незаконно опирается на насилие.

Далеко не будучи аномальным, подход Руссо разделял в своем основании идеи других мыслителей Европы и Северной Америки восемнадцатого и девятнадцатого столетия. Все они видели опасность государства не в самой его природе, а в выраженных в нем социальных потребностях, среди которых верховной была – при всем разнообразии форм – безопасность прав. В «Словаре» Джонсона термин «государство» приравнивается к «сообществу, нации, державе»¹⁵. Ему не присуще значение какой-либо опасности как важного его аспекта. Точно так же Пейна беспокоило не государство, по природе принудительное и подозрительное, а «деспотизм», то есть деформация законного правления в интересах меньшинства¹⁶. Токвиль не видел в самом государстве никакой угрозы, он концентрировался на опасности политического порядка, который потворствует прихотям граждан, не желающих быть вовлеченными в общественные дела, примером чего является демократия. Он не утверждал, что государство по природе опасно и нуждается в обуздании, ограждении или поношении; вместо этого он предлагал, чтобы общество и государство понимались как единство через создание институтов, разделяю-

---

¹⁴ R. Nisbet, *Twilight of Authority and Prejudices*, London, 1976, pp. 208-209.

¹⁵ S. Johnson, *A Dictionary of the English Language*, I-II, London, 1755, s.v. 'State'

¹⁶ T. Paine, *Common Sense and the Rights of Man*, edited by Tony Benn, London, 2000, p. 5.

щих полномочия и поощряющих прямое участие граждан¹⁷. Наиболее проблематичным способом видения общественного порядка было представление общества в терминах государства, такое представление поощряло отчуждение управляемых от правителей. Таким образом, как один из неотъемлемых элементов общества, наряду с семьей и гражданским обществом, функционировало государство Гегеля, обеспечивая путь регулирования конфликтов, порождаемых на полной страстей арене гражданского общества, и поэтому было обусловлено самими потребностями гражданского общества¹⁸. Герберт Спенсер характеризовал государства как «промышленные» или «военные», в зависимости от породившего их общественного строя, с обязательным минимально принудительным государством в «промышленном» обществе, поскольку характер его определяется нравами того общественного строя, который уменьшает «вмешательство». «Военные» формы общественной организации, вроде социализма, требовавшие насильственных мер для осуществления своей деятельности, приводят к злокачественным формам правления¹⁹. Проблемой является не само государство, а недостатки человеческой природы, стремящейся разрушить хорошие намерения и сделать действия аппарата управления сомнительными.

Итак, общее представление о государстве в этот период было таково, что оно является частью общества и играет положительную роль, как средство выражения разделяемого гуманизма и потребностей, надежд и желаний людей в их повседневной жизни. Это было, по словам Спенсера, «общество в его корпоративной роли»²⁰. Однако так обстояло дело только тогда, когда оно было проявлением справедливого общества. Поэтому именно в определении справедливого общества, а не природы государства, существовали расхождения.

---

¹⁷ А. Токвевилль, *Democracy in America. Volume II*, New York, 1945, pp. 324-328.

¹⁸ G.F.W. Hegel, *Elements of the Philosophy of Right*, edited by A.W. Wood, Cambridge, 1991, pp. 199-200, pp. 220-223, pp. 261-262, pp. 308-310.

¹⁹ Н. Спенсер, *The Man versus the State*, London, 1969, p. 63, p. 99, pp. 168-169.

²⁰ Н. Спенсер, *The Principles of Ethics Vol. II.*, New York, 1892, p. 221.

Беспокойство вызывала незаконная правительственная деятельность. Пункт, в котором такая деятельность становилась незаконной, зависел от политического суждения каждого мыслителя. К трудностям приводили неудачи в создании форм управления, отражающих социальные потребности, а также деформация правильных способов управления²¹. Эти мыслители чувствовали, что государство опасно не само по себе, а тем, что определенные типы общественного строя могут облегчить употребление правительственной власти для вторжения в личное пространство и права.

Опасное государство

Совершенно противоположным образом недавние подходы все более сосредотачивались на принуждении, отчужденности и согласованности как существенных особенностях государства, которое стало рассматриваться как обязательно опасное по своей природе. Эта тенденция особенно заметна в работе, сосредоточенной на государственной формации, где наиболее важной темой является «финансово-военная» динамика. Она подчеркивает предположительно тесную связь между острой необходимостью военной деятельности и ростом государства, где применение силы к гражданину, для подъема финансов или для регулирования и контроля, отмечается как общий

---

²¹ Главными исключениями девятнадцатого столетия были анархисты, Карл Маркс и Фридрих Ницше, которые склонялись к мысленному представлению государства в терминах принуждения, см. K. Marx, *Critique of the Gotha Programme*, London, 1933, p. 27; K. Marx, *The Civil War in France*, London, 1971, pp. 587-589; K. Marx, F. Engels, *The Communist Manifesto*, London, 1986, pp. 104-105; F. Nietzsche, *Thus Spoke Zarathustra*, London, 2003, p. 75. Влияние этих мыслителей на изменение видения, выдвинувшегося на первый план, не может обсуждаться в такой ограниченной статье, однако другие марксисты девятнадцатого столетия, такие как Бернштайн, крайне позитивно относились к государству, см. E. Bernstein, *Evolutionary Socialism*, New York, 1961.

знаменатель²². В свете такой идеи «интимной» связи между войной и ростом государственного аппарата самые важные процессы в формировании государства представляются как «принудительные и экстрактивные», а сами государства уподобляются «рэкетирам» и «хищникам»²³. Общий упор работы делается на том, что государство есть не проявление попыток граждан обеспечить свои социальные потребности, а слитная, принуждающая сущность, отчужденная от граждан и воздействующая на них разрушительными способами.

Другим проявлением влияния идеи чрезвычайно сильного государства за последние тридцать лет стало влиятельное движение за «возвращение государства», переход от того, что называли «общество-центричными» интерпретациями, к «государство-центричным» подходам, когда такие авторы, как Скокпол, выдвинули предположение, что государство не является простым отражением общественного порядка²⁴. Это заметно контрастирует с более ранними подходами. Государство уже не зависит существенно от гражданина и социальных структур. Вместо этого его способность действовать независимо вытекает из его уникальной способности действовать на гражданина принудительно, будь то в военной, полицейской, финансовой или регулирующей сфере. Аналогичным

---

²² См., к примеру, Ch. Tilly, *Introduction* // Ch. Tilly (ed.), *The Formation of National States in Western Europe*, Princeton, 1975, pp. 40-73; G. Ardant, *Financial Policy and Economic Infrastructure of Modern States and Nations* // Ch. Tilly (ed.), *op.cit.*, pp. 164-242; M. Mann, *States, War and Capitalism. Studies in Political Sociology*, Oxford, 1988, pp. 61-68; M. Mann, *Sources II*, pp. 115-121, pp. 358-359, pp. 370-371.

²³ Ch. Tilly, *Western State-Making and Theories of Political Transformation* // Ch. Tilly (ed.), *op.cit.*, p. 633; Ch. Tilly, *War-making and state making as organized crime* // P.B. Evans, D. Rueschemeyer, T. Skocpol (eds.), *Bringing the State Back In*, Cambridge, 1985, pp. 169-191. См. также A. Giddens, *The Nation-State and Violence. Volume Two of a Contemporary Critique of Historical Materialism*, London, 1983, p. 112; G. Poggi, *The State. Its Nature, Development and Prospects*, Stanford, 1990, pp. 4-9, pp. 120-123; M. Levi, *Of Rule and Revenue*, Berkeley, 1988, p. 2; R. Bonney, *The Rise of the Fiscal State in Europe, c. 1200-1815* // R. Bonney [ed.], *The Rise of the Fiscal State in Europe, c. 1200-1815*, Oxford, 1999, p. 4.

²⁴ T. Skocpol, *Bringing the State Back In: Strategies of Analysis in Current Research* // Evans et al (eds.), *Bringing*, pp. 4-9, pp. 14-24. Об обширном влиянии этого движения см. Sh. Fitzpatrick, *New Perspectives on Stalinism* // „The Russian Review”, 45 (1986), p. 373.

образом, среди авторов, утверждающих, что государство является инструментом классового господства, акцент также делается на отчужденности и принуждении. Милибанд считал, что наиболее существенной особенностью крупномасштабных капиталистических предприятий является раздел собственности, остающейся в руках весьма небольшой группы, члены которой удерживают контроль посредством государства через разнообразие принудительных средств²⁵. Другие видели средство сокрытия истинной природы «буржуазного демократического государства», «состоящей» главным образом из его угрожающей сущности²⁶, в культурных отношениях.

В другой перспективе, пример иного аспекта тенденции рассматривать государство как опасность явили собой идеи Фуко. Утверждая, что анализ власти не должен сосредоточиваться «на регулируемых и законных формах власти в ее центральном местоположении», а скорее на «власти в ее оконечностях, в ее последнем предназначении», Фуко расширил понятие принудительной власти государства от центрального аппарата до всей социальной системы. Хотя он и предположил, что государство «надструктурно» по отношению к этим процессам, оно также стало основополагающим элементом этой «структуры» господства, как носитель законов, обеспечивающих «кодификацию целого числа властных отношений, которые делают возможным ее функционирование». В этом смысле государство стало потрясающей опасностью, вторгшись в самую внутреннюю часть гражданина через «сеть дисциплинарных принуждений», базирующихся на таких структурах, как юридический аппарат²⁷. Понятие системы принудительных методов служит опорной рамкой, вокруг которой представление государства было переработано, например, в

---

²⁵ R. Miliband, *The State in Capitalist Society*, London, 1973, pp. 28-55, p. 237.

²⁶ P. Anderson, *The Antinomies of Antonio Gramsci* // „New Left Review“, No. 100 (November 1976-January 1977), pp. 31-32, pp. 41-42.

²⁷ M. Foucault, *Power, Sovereignty and Discipline* // D. Held, J. Anderson, B. Gieben, L. Harris, P. Lewis, N. Parker, B. Turok (eds.), *States and Societies*, New York and London, 1983, pp. 306-308.

движение за использование идеи формирования или воспитания граждан, производимого государством, которое получает все большее хождение в последние годы²⁸. Иствуд подчеркивает «централизацию знания» в увеличивающемся росте власти «английского государства»²⁹. Такие авторы Германской Демократической Республики, как Фулбрук, исследовали «контуры господства», в которых «репрессивное государство» позволяло вторгаться в жизнь своих граждан в процессе «глубокого взаимопроникновения государства и общества»³⁰. Решающей в этих подходах является идея о том, что государство – отчужденная и слитная сущность, непременно воздействующая на людей опасными способами.

В дискуссиях о критических моментах немецкой истории, таких, как период Веймарской республики, многие историки теперь изображают государство как угрозу. Считается, например, что оно «экспроприировало» богатства немецких граждан во время гиперинфляции 1922-1923 гг., использовав механизм ценовых повышений для «обмана граждан» и одновременно подорвав немецкую финансовую и социальную стабильность «обширным увеличением государственного спроса на кредитные ресурсы»³¹. Для Фергюсона вторжение в частную сферу со стороны принудительного по природе государства – решающий объяснительный фактор истории Германии двадцатого столетия. Он утверждает, что в Веймарский период государ-

---

²⁸ Z. Bauman, *Modernity and the Holocaust*, Cambridge, 1991, p. 13, p. 18, pp. 70-82; P. Holquist, *State Violence as a Technique: The Logic of Violence in Soviet Totalitarianism* // A. Weiner (ed.), *Landscaping the Human Garden: Twentieth Century Population Management in a Comparative Framework*, Stanford, 2003, pp. 19-45.

²⁹ D. Eastwood, 'Amplifying the Province of the Legislature': the Flow of Information and the English State in the Early Nineteenth Century // „Historical Research”, LXII (1989), pp. 276-294.

³⁰ M. Fulbrook, *Anatomy of a Dictatorship. Inside the GDR 1949-1989*, Oxford, 1995, pp. 19-21.

³¹ M.L. Hughes, *Paying for the German Inflation*, Chapel Hill and London, 1988, p. 9; G.D. Feldman, *The Great Disorder Politics, Economics, and Society in the German Inflation, 1914-1924*, Oxford and New York, 1993, p. 26; W. Guttman, P. Meehan, *The Great Inflation. Germany 1919-1923*, London, 1976, p. 13; E. Rowley, *Hyperinflation in Germany. Perceptions of a Process*, Aldershot, 1994, p. 2.

ство отказалось «полностью выпустить из своих рук новые возможности регулирования», обретенные в Первой мировой войне, с разрушительными последствиями³². В его всеохватывающей оценке инфляции, которая расколола на куски устойчивую культуру Вильгельма, оставив Германию открытой для экстремизма, подтекстом является то, что государство ошиблось, вторгнувшись в социальную сферу в целях социального уравнивания. Действительно, именно к растущей власти «государства» он обращается в своем рассмотрении изменений нацистской эпохи³³. Точно так же Межеевский утверждает, что государство играет главную роль в создании экономики, которую он называет «институтом общественного блага, организованным на корпоративских областях интересов», которые в конечном счете повредили «всеобщему благосостоянию немецкого народа»³⁴. Такие доводы основаны на идее, что государство полезно только для строго определенных типов регулирования. Они постулируют, что во времена Веймара государство потерпело неудачу в своей роли поддержания общественного порядка и способствовало финансовому беспорядку, вторгнувшись в экономическую сферу в манере, подорвавшей автономию рынка, поскольку стремилось достичь социальных целей, неправильно используя присущую ему принудительную власть. Для Парнелла результатом принудительной природы государства в Германии между войнами была катастрофа, поскольку «государственная и частная промышленность вернулась к органической интеграции [...], пока государство не стало всемогущим, каковой процесс достиг высшей точки во время второй мировой войны»³⁵. Смысл этой

---

³² N. Ferguson, *The German inter-war economy: political choice versus economic determinism* // M. Fulbrook (ed.), *German History since 1800*, London, 1997, p. 268.

³³ N. Ferguson, *Paper and Iron: Hamburg business and German politics in the Era of Inflation 1917-1927*, Cambridge, 1995, pp. 421-433, p. 465.

³⁴ A.C. Mierzejewski, *The Most Valuable Asset of the Reich. A History of the German National Railway. Volume I: 1920-1932*, Chapel Hill and London, 1999, pp. xiv-xv.

³⁵ M.F. Parnell, *The German Tradition of Organized Capitalism. Self Government in the Coal Industry*, Oxford, 1994, p. 59.

работы в том, что государство по природе своей подозрительно, и его триумф в 1920-х и 1930-х годах стал важным шагом на пути к кошмару нацизма.

Такие британские историки, как Брюэр, Харлинг и Мандлер утверждали, что французские войны породили «финансово-военное государство», похвалившее богатства викторианской Великобритании³⁶. Харрис пытался проследить «сложность» «полномочий и функций» государства на протяжении двадцатого столетия, используя различие между государством как «народом» и народом как «людьми»³⁷. Такие подходы не только выдвинули на первый план идею диссоциированного государства, но также подчеркнули понятие государства, конфликтующего с его социальной средой. Они также существенно отличаются от подходов к государству предыдущих столетий. Вместо того чтобы видеть государство как нечто, выражающее социальную взаимосвязь в положительном смысле, они начинают с идеи государства в стадии возникновения, которое структурируется путем использования своей специфической принудительной сущности, наиболее ярко проявляющейся в способности с чрезвычайной действенностью прибегать к насилию. Это особое значение сосредоточило внимание исследователей на том, что многими теперь рассматривается как существенные функции государства, а именно на «войне, дипломатии, внешней политике [...], сборе [...] налогов (поддержании закона и порядка, осуществлении правосудия, регулировании социально-экономической жизни)»³⁸. Такие представления перевели акцент на разобщенность государства и гражданина, видя в качестве единственной

---

³⁶ J. Brewer, *The Sinews of Power. War Money and the English State, 1688-1783*, London, 1989; P. Harling, P. Mandler, *From 'Fiscal-Military' State to Laissez-Faire State, 1760-1850* // „Journal of British Studies”, No. 32 (1993), pp. 44-50.

³⁷ J. Harris, *Society and the state in twentieth century Britain* // F.M.L. Thompson (ed.), *The Cambridge Social History of Britain, 1750-1950. Volume 3 Social Agencies and Institutions*, Cambridge, 1990, pp. 63-65.

³⁸ D. Philips, *A 'Weak' State? The English State, the Magistracy and the Reform of Policing in the 1830's* // „English Historical Review”, CXIX (2004), p. 874.

реальной связи между ними лишь принуждение, будь то в форме войны, налогообложения или регулирования.

Этот негативный оттенок очевиден и в недавнем возрождении понятия «тоталитарного» государства. Предшествующее использование этого термина в связи со сталинистским и нацистским режимами подчеркивало их предполагаемую способность контролировать общество³⁹. Поскольку исследования показали, что эти режимы характеризуются бессвязностью и беспорядком, идея тоталитаризма сформировалась повторно⁴⁰. Авторы утверждали, что для того, чтобы быть тоталитарными, режимы не должны быть всемогущими, но только «институционально всемогущими»⁴¹. Это определение оказалось намного легче использовать применительно к государству в других местах, с последующим обвинением в том, что современному европейскому государству вообще по природе свойственно нарушать частную жизнь гражданина, используя «надзор», форму принудительной деятельности, которую Холквист назвал «подфункцией современной формы политики», требующей своего осмысления в «панъевропейском» контексте⁴². Работа Коткина и ученых, получивших наименование «Поколение К», подчеркивая охотное участие граждан в коммунистических системах, остается основанной на идее присущей государству угрозы, которая проявляется несмотря на неэффективность машины, обвиняемой во вторжении в частное пространство⁴³. Для этих ученых присущая государству опасность проявляется в господстве дискурса, хотя в глубине своей подобные представления остаются переформули-

---

³⁹ C.J. Friedrich, Z.K. Brzezinski, *Totalitarian Dictatorship and Autocracy* [Second Edition], New York, 1966, pp. 4-14.

⁴⁰ См., к примеру, J. Arch Getty, *The Politics of Stalinism* // A. Nove (ed.), *The Stalin Phenomenon*, London, 1993, pp. 117-118.

⁴¹ M. Malia, *To the Stalin Mausoleum* // „Daedalus”, 119 (1990), pp. 300-301.

⁴² P. Holquist, *Information is the Alpha and Omega of Our Work: Bolshevik Surveillance in its Pan-European Context* // „Journal of Modern History”, 69 (1997), p. 418.

⁴³ См. S. Kotkin, *Magnetic Mountain. Stalinism as a Civilisation*, Berkeley Los Angeles and London, 1995, pp. 7-9, 73, 235-237; о термине ‘Generation K’ см. M. Malia, *To the Editors* // „Kritika”, No. 3 (2001), pp. 569-571.

ровкой опасного государства, главное усилие которого состоит в том, чтобы сформировать субъективное тождество гражданина⁴⁴.

Марксизм-ленинизм и тоталитаризм

При сравнении работ последних тридцати лет с работами периода, предшествующего двадцатому столетию, выясняется, что интерпретация государства подверглась важному изменению. Более ранние подходы связывал между собой положительный эмоциональный вклад в роль государства, однако фундаментальным связующим фактором недавних подходов является то, что все они полагаются на видение государства, отягощенного страхом. Одной из причин такой перестройки представляется наследие «холодной войны». Это больше похоже на правду, чем то, что Марк Мазовер назвал «запоздалым счетом западной интеллигенции к коммунизму»⁴⁵. Рассмотрение воздействия краха «реально существующего социализма» должно включать и то, каким образом «холодная война» изменила мысль о государстве в некоммунистическом мире. Государственная теория занимала в этой борьбе решающие позиции, потому что она выражалась в терминологии борьбы и потому что война привела к использованию идей и инструментов государственной теории, которые неожиданным и преобразующим образом воздействовали на саму теорию.

Очевидно и бесспорно, что советская элита использовала марксистско-ленинское видение капиталистического государства и идеализированное видение социалистического государства в своей интеллектуальной борьбе с предполагаемыми соперниками на Западе. Не столь очевидно, что на протяжении

---

⁴⁴ J. Hellbeck, *Fashioning the Stalinist Soul: The Diary of Stephan Podlubnyi (1931-1939)* // „Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas“, No. 44 (1996), pp. 344-373; I. Halpin, *Looking into the Oppositionist's Soul: Inquisition Communist Style* // „Russian Review“, No. 60 (2001), pp. 316-339. Критику Коткина см. у G. Rittersporn, *Stephen Kotkin: Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization* [рецензия] // „American Historical Review“, No. 101 (1996), pp. 1586-1587.

⁴⁵ M. Mazower, *Violence and the State in the Twentieth Century* // „American Historical Review“, No. 107 (2002), p. 1159.

двадцатого столетия марксизм на востоке становился все более и более зависим от представления о государстве как слитном целом, отчужденном от общества и определяемом властью принуждения. Эти признаки становились все более доминирующими в большевистской мысли в десятилетия после 1917 года, что казалось непосредственно связанным с растущей ролью Ленина как главного интерпретатора идей Маркса⁴⁶. Ленин был склонен говорить об отдельном государстве, действующем от имени рабочих и способном при необходимости к огромной силе; к примеру, в «Государстве и революции» он утверждал, что пролетарская победа требует «железной дисциплины, поддерживаемой государственной властью вооруженных рабочих»⁴⁷. Такое представление о государстве стало основным в большевистской мысли, поскольку она «была не в состоянии увидеть фундаментальную связь между благосостоянием и политикой» и сосредоточивалась на принуждении и контроле как основании своей политики⁴⁸. В гонке индустриализации 1930-х годов очень немногие спорили с тем, что роль государства должна заключаться в использовании любых средств, чтобы заставить население действовать, как требуется. Поскольку не все народные массы состоят из активных пролетариев, такая деятельность должна влечь за

---

⁴⁶ О том, в какой высочайшей степени ленинские работы стали стандартным ориентиром для советской мысли, см. D. Peris, *The 1929 Congress of the Godless* // „Europe-Asia Studies“, No. 43 (1991).

⁴⁷ V.I. Lenin, *The State and Revolution*, Moscow, 1950, p. 79.

⁴⁸ D. Koenker, *Labour Relations in Socialist Russia: Class Values and Production Values in the Printers' Union, 1917-1921* // L.H. Siegelbaum, R.G. Suny, *Making Workers Soviet. Power, Class and Identity*, Ithaca and London, 1994, p. 186. Этот взгляд стал постепенно господствующим в большевистских подходах ко всем областям, поскольку чрезвычайное положение гражданской войны ослабило их власть до критического состояния, см., к примеру, M. Lewin, *The Making of the Soviet Union: Essays in the Social History of Interwar Russia*, Methuen, 1985, p. 43, о синергии между крестьянской и большевистской авторитарными тенденциями; C. Sirianni, *Workers' Control and Socialist Democracy. The Soviet Experience*, Thetford, 1982, pp. 217-218 о тенденции представлять власть в терминах вертикального контроля; R. Sakwa, *Soviet Communists in Power. A Study of Moscow during the Civil War, 1918-21*, London, 1988, pp. 11-15, 32, 273-275 о лидирующей роли, приписываемой государству во время «коммунистической войны».

собой значительную степень применения силы, и этот пункт также широко принимался. В течение периода лидерства Сталина главным действующим лицом в партийной риторике было отделенное государство, которое представляло рабочих, но было удалено от них и явно отделено от непролетарских членов советского населения. «Мы за отмирание государства, – сказал он на XVI съезде партии в 1930 году. – В то же время мы – за укрепление диктатуры пролетариата, который является самой могущественной и самой сильной государственной властью, которая когда-либо существовала. Высочайшее развитие государственной власти с целью подготовки условий для отмирания государственной власти – такова марксистская формула»⁴⁹.

Поскольку коммунистическую теорию захватывали все более и более механистические интерпретации базиса и надстройки, это представление стало чрезвычайно трудно оспаривать, что проиллюстрировал довод, порожденный восточногерманским юридическим теоретиком Эрманном Кленнером в 1950-е годы⁵⁰. Кленнер начал с обычного положения, что потребность применять принуждение в обществе, разделенном на классы, произвела государство⁵¹. Поскольку коммунистическое государство было выражением воли рабочих, оно могло законно использовать принудительные меры для достижения своих целей⁵². Тогда он провокативно предположил, что государство должно быть ограничено ощутимыми законами, без которых оно станет угрозой⁵³. Оппоненты утверждали, что в ГДР это не было законным поводом для беспокойства, потому что при социалистическом режиме «дуализм между рабочим и

---

⁴⁹ *Political Report of the Central Committee to the Sixteenth Congress of the CPSU (B)*, 27 June 1930 // J. V. Stalin, *Works*, Vol. 12, Moscow, 1952, pp. 242-385.

⁵⁰ Мое внимание к работе Кленнера было привлечено превосходным исследованием: P.C. Caldwell, *Dictatorship, State Planning and Social Theory in the German Democratic Republic*, Cambridge, 2003, pp. 66-74.

⁵¹ H. Klenner, *Der Marxismus-Leninismus über des Wesen des Rechts*, Berlin, 1955, pp. 17-18.

⁵² *Ibidem*, p. 41

⁵³ *Ibidem*, pp. 75-77.

государством устранен, а высочайшая „юридическая защита“ гражданина коренится в том факте, что государство является его собственным государством»⁵⁴. Кленнер не воспринял данный аргумент и подвергся «перевоспитанию» ссылкой, однако вся дискуссия выражалась в рамках структуры государства, отделенного от общества и обладающего потенциалом к принуждению, который должен быть ограничен. Одно из двух: либо государство является потенциальной угрозой населению, пожелания которого выражаются в правовых нормах, и удерживается правовыми рамками, либо государство является чем-то порожденным колонизацией государственного аппарата рабочими, представленными партией, для воздействия на общество к их выгоде. В ином случае такая теория требует, чтобы государство рассматривалось как слитное образование, поскольку ему надлежит действовать ради рабочих, и также, поскольку оно является государством рабочих, понятие государства требует отчужденности от той существенной части общества, в ГДР ли или в другом месте, которые рабочими не являются. Кроме того, очевидно, что при необходимости государство использовало различные средства принуждения в отношении капризного населения. Даже к 1971 году в представлении о государстве, разъясняемом официальными источниками, не произошло больших изменений. На XXIV съезде партии Петр Федосеев, вице-президент Академии наук СССР, утверждал, что государство не может отмереть, пока «в переходный период или в развитом социалистическом обществе не будут успешно выполнены задачи экономического и культурного развития, при организующей роли социалистического государства»⁵⁵.

При жизни коммунистического блока официальная марксистско-ленинская теория отстаивала представление о государстве как об отдельном, слитном и принудительном

---

⁵⁴ Н. Kruger цит. у P.C. Caldwell, *Dictatorship*, p. 73.

⁵⁵ P. Fedoseyev, *Communist Construction: The Party's Leading Role* // J. Smith (ed.), *Voices of Tomorrow. The 24th Congress of the Communist Party of the Soviet Union*, New York, 1971, p. 23.

образовании. Кроме того, трансформацию такого видения очень затруднила «холодная война», ибо любая иная манера мыслить потребовала бы фундаментальных теоретических изменений в интерпретации доминантного признака государства со времени Ленина, а именно, что государство при любом общественном строе является простым выражением классового господства. С учетом того, что на этой заповеди зиждилось все здание коммунистического самовосприятия и его направленная наружу проекция, такое гигантское изменение было недопустимо перед лицом требований пропагандистской машины «холодной войны»⁵⁶. Была, однако, и другая причина, мешавшая какому-либо реконструированию этой интерпретации. Она заключалась в том, что по другую сторону водораздела «холодной войны» идея об опасности государства стала отправной точкой для академической трактовки, с тем заключением, что заслуживающие доверия альтернативы советскому подходу к государству уменьшаются.

В то время как европейский и североамериканский анализ государства был намного более динамичным, чем в коммунистическом блоке, он был поражен нарастающими страхами и враждебностью в отношении социализма и коммунизма. В 1948 году британские власти выгоняли, как внутренних врагов, коммунистов, игравших важные роли в обороне во время войны, и приравнивали их опасность к опасности фашистов⁵⁷. Такие представления с годами становились все сильнее. В 1956 г. власти сочли необходимым проведение «активной» политики, чтобы помешать Коммунистической партии Великобритании получить руководящие посты в британских

---

⁵⁶ Последние исследования подчеркнули реальность идеологического элемента советской мысли; советские лидеры и официальные лица искренне верили в свою доктрину. См. V. Zubok, C. Pleshakov, *Inside the Kremlin's Cold War: From Stalin to Khrushchev*, Cambridge, 1996; M.P. Lefler, *The Cold War: What do 'We Now Know'?* // „American Historical Review”, No. 104 (1999), 501-524; N. Gould-Davies, *Rethinking the Role of Ideology in International Politics during the Cold War* // „Journal of Cold War Studies”, 1999, pp. 90-109.

⁵⁷ PRO/PRO/DEFE/7/1812, *Safeguarding Secret Contracts Placed with Outside Industry by the Admiralty and Ministry of Supply*, 30 November 1948.

профсоюзах⁵⁸. Митчелл утверждал, что представители американского политологического истеблишмента использовали теорию государства как «сознательный инструмент социального инжиниринга» в борьбе против коммунизма и что подлинное беспокойство по поводу представляемой им угрозы привело некоторых ученых к сближению в их трудах с общей целью отражения социалистической угрозы⁵⁹. «Холодная война» все более отягощала смыслом понятие государства, так что американским академиком, и в меньшей степени их европейским коллегам, стало трудно использовать данный термин иначе как в отрицательном смысле. Критическим средством выражения этого явления стало понятие тоталитаризма, изобретенного первоначально итальянскими фашистами и приспособленного их противниками для использования в качестве выражения осуждения. Также оно использовалось первоначально в отношении фашизма, а затем нацизма, но авторы середины 1930-х годов начали использовать его для связи Германии, Италии и СССР. Однако, как показал Альпер, они поступали так аморфным образом, без какого-либо объединяющего теоретического основания⁶⁰. Несмотря на то, что термин утратил значение во время второй мировой войны в период союза с СССР, он стал критическим аспектом «холодной войны» после 1945 года. Для Уинстона Черчилля он был фундаментальным объяснительным фактором. «Не подлежит сомнению, - заявил он в предвыборной радиопередаче в 1945 году, - что социализм неразрывно сплетен с тоталитаризмом и отвратительным культом государства»⁶¹.

---

⁵⁸ PRO/PREM/11/1238, *Memorandum 'Communism and the Trade Unions'*, 30 May 1956.

⁵⁹ T. Mitchell, *The Limits of the State: Beyond Statist Approaches and their Critics* // „American Political Science Review“, No. 85 (1991), pp. 79-81.

⁶⁰ B.L. Alpers, *Dictators, Democracy, and American Public Culture. Envisioning the Totalitarian Enemy, 1920's-1950's*, Chapel Hill and London, 2003, pp. 61-73.

⁶¹ W.S. Churchill, *'Party Politics Again - The Socialist Gestapo' Pre-Election Broadcast, 4 June 1945* // R.R. James [ed.], *Churchill Speaks: Winston S Churchill in Peace and War*, Leicester, 1981, p. 865.

В некоторых областях, таких, как изучение Советского Союза, понятие «тоталитаризма» заняло решающее положение в дискуссии, став «классической западной парадигмой» для анализа⁶². Влияние идеи тоталитаризма на понятие государства остается, однако, недостаточно исследованной темой, и этот факт является результатом того, что теории государства были так долго заключены в скобки во взаимоисключающихся блоках. Обычно дискуссии по поводу термина сосредоточивались на его применимости в отношении нацизма и коммунизма, как родового термина или как пригодного описания для любого из двух режимов. Изначальный толчок для его использования в качестве родового термина возник в период после 1945 года вместе с работами Арендт, Тальмона, Фридриха и Бжезинского; последующее развитие получило импульс в 1960-х годах⁶³. Борьба по поводу обоснованности термина продолжалась; однако он сохраняет существенное риторическое влияние и внутри, и снаружи академии⁶⁴. Все же, будучи сосредоточенными на проблемах применимости термина, эти дискуссии не обращаются к вопросу его потенциального

---

⁶² S. Fitzpatrick, *Constructing Stalinism: Reflections on Changing Western and Soviet Perspectives on the Stalin Era* // A. Nove [ed.], *The Stalin Phenomenon*, London, 1993, pp. 79-80; S.F. Cohen, *Rethinking the Soviet Experience. Politics and History since 1917*, New York and Oxford, 1985, p.4. См. также S. Kotkin, *Magnetic*, pp. 2-3 и L. Siegelbaum, *Introduction* // L. Siegelbaum, A. Sokolov (eds.), *Stalinism as a Way of Life*, New Haven and London, 2000, pp. 3-4.

⁶³ H. Arendt, *The Origins of Totalitarianism*, New York and London, 1951, J.L. Talmon, *The Origins of Totalitarian Democracy*, London, 1952, C.J. Friedrich, Z.K. Brzezinski, *op.cit.* Растущие проблемы в употреблении понятия заметны у M. Fainsod, *Smolensk under Soviet Rule* London, 1958, особенно pp. 451-452, 454 и R. Burrowes, *Totalitarianism: The Revised Standard Version* // „World Politics”, No. 21 (1969).

⁶⁴ A.G. Meyer, *Coming to Terms with the Past...and with One's Older Colleagues* // „The Russian Review”, No. 45 (1986), p. 40. См. также B.L. Alpers, *op.cit.*, p. 13. Gleason утверждает, что влияние внутри академии минимально, A. Gleason, *Totalitarianism. The Inner History of the Cold War*, Oxford and New York, 1995, p. 7. Это кажется сомнительным в свете изобилия академических трудов, использующих термин в недавнее время, например, K. Schroeder, *Einleitung: Die DDR als politische Gesellschaft* // K. Schroeder (ed.), *Geschichte und Transformations des SED-Staates*, Berlin, 1994, pp. 11-26; M. Malia, *Mausoleum*, особенно, pp. 300-301; I. Golomstock, *Problems in the Study of Stalinist Culture* // H. Günther (ed.), *The Culture of the Stalin Period*, London, 1990, pp. 111-112.

влияния на мысль о государстве в более широком смысле. Действительно, термин повсеместно и без возражений используется в дискуссии о государстве⁶⁵. Различные формы тоталитарной теории совместно используют догмы о государстве, имеющие поразительное сходство с нынешним представлением. Фридрих и Бжезинский представляли государство как машину, поставленную вне общества и готовую доминировать над каждым аспектом социального существования. Внутренняя опасность государства реализуется в системах, которые используют на обществе современные промышленные методы контроля и принуждения, таким образом узурпируют правовые нормы и высвобождают принудительный потенциал государства⁶⁶. Взгляд Арендт, по крайней мере, был таков, что государство разошлось с обществом и виновно в провале попытки защитить его от партии. Кроме того, деятельность тайной полиции показала, что государство является активным и усердным партнером в дьявольском бизнесе концентрационных лагерей⁶⁷.

В центре таких подходов и работ тех, кто формулировал их, лежала модель социальных отношений, представляющая крайний вариант дихотомии государства/общества, где агрессивное государство полностью господствует над обществом. Постоянно возвращающимся мотивом было то, что государство имеет по преимуществу принудительный характер, отделено от общества и стремится господствовать надо всеми социальными отношениями. В атмосфере «холодной войны» решающее значение таких подходов для тех, кто нападал на СССР, заключалась в том, что они обеспечивали возможность

---

⁶⁵ Для более разнообразных примеров см. ссылки в кн.: R. King, G. Kendall, *op.cit.*, p.17; F. Fukuyama, *The End of History and the Last Man*, London, 1992, pp. 5-6, F.C. Ikle, *The Next Lenin* / / „National Interest”, No. 47 (1997), pp. 9-11.

⁶⁶ C.J. Friedrich, Z.K. Brzezinski, *op.cit.*, pp. 4-14.

⁶⁷ H. Arendt, *Origins*, pp. 395-402, pp. 404-409, pp. 411-412, pp. 419-420, pp. 437-438.

сравнивать СССР с нацистской Германией⁶⁸. Побочным продуктом было укрепление неоспоримой связи идеи государства с опасностью. Как сказал Киркпатрик, «регулирующее государство всегда готово к принуждению»⁶⁹. Тоталитаризм был крайним примером опасного государства – агрессивного и мощного организма, успешно разрушающего общество в любом положительном смысле.

Выводы

Таким образом, в конфликте интеллектуальных подходов, ставшем неотъемлемой частью «холодной войны», обе стороны старательно подчеркивали отрицательные аспекты идей государства. На Западе многие выдвигали на первый план агрессивные, принудительные и дисфункциональные аспекты советских государств и при этом выстраивали весьма специфическое видение государства как опасности. Подобным же образом марксисты стремились подчеркнуть то, что они ощущали как принудительные аспекты капиталистических государств, и представляли видение отмирающего государства в качестве идеального итога социализма. Этот процесс не закончился, однако, с крахом Советского Союза, марксистско-ленинское представление о государстве было некорректной парадигмой, безнадежно скомпрометированной нападками «холодной войны» и в значительной степени опровергнутой. Однако и противостоящая парадигма не была пересмотрена; западное представление о государстве времен «холодной войны», как опасном, отчужденном и слитном, стало даже еще более сильным. Процесс, однако, может означать больше, чем просто видоизменение подхода в интеллектуальной дискуссии. Может статься, что преобразование господствующего видения

---

⁶⁸ Критическое исследования безопасного способа, каким проводилось такое сравнение см. E. Acton, *Nazism and Stalinism: A Suitable Case for Comparison?*, Shaftsbury, 1998.

⁶⁹ J.J. Kirkpatrick, *Introduction: The Politics of Deception* // J.J. Kirkpatrick (ed.), *The Strategy of Deception. A Study in World-Wide Communist Tactics*, London, 1963, pp. xix-xxi.

государства, от средства выражения взаимных потребностей к представлению, определяемому его отчужденностью и принудительным характером, может увеличивать наши трудности в рассмотрении фактов социального мира в начале двадцать первого столетия.

Все согласны с тем, что наши государства стоят перед проблемами растущего отчуждения гражданина и правительства, наряду с местным недоверием к существующим системам управления, трудностями, воплощенными в резком упадке чувства гражданского долга, апатии избирателя и всеобщем цинизме. Очень часто объяснение этих трудностей сосредотачивается на предполагаемой опасности государства для гражданина. Как недавно утверждал лидер британской Консервативной партии Майкл Говард, «слишком многие разочарованы в политике и правительстве [...], поскольку мы имеем государство, которое делает слишком много, которое слишком много вмешивается, которое является слишком непонятным. Государство, разросшееся так, что умаляет людей, для службы которым предназначено»⁷⁰. Недавний академический труд привел доводы в пользу первичного противостояния гражданского общества и государства, представив последнее как внутренне неспособное помочь процессу демократизации и, более того, угрожающее гражданскому обществу⁷¹.

Фундаментальной помехой интерпретации, связывающей воедино недавние подходы к государству, является сопряжение опасности и государства на элементарном уровне. У этого явления имеется одно важное последствие. Оно бросает тень на изображение главной области государственной деятельности, которая для многих не является негативной: предоставление социальной помощи. Доводы против систем социальной помощи усиливаются подтекстом, впрочем непредумышленным, что государство всеобщего благоденствия, по самой своей природе государства, является предательским.

---

⁷⁰ M. Howard, *Speech at the Policy Exchange Think Tank*, 9 февраля 2004, <http://www.conservatives.com>.

⁷¹ J. Dryzek, *Deliberative Democracy and Beyond*, Oxford, 2000, pp. 81-85, 113-114.

Когда авторы категоризируют СССР как «патерналистское государство всеобщего благоденствия, обещающее минимальный уровень образования и здравоохранения», подразумеваемая идея опасного государства прокладывает путь к перекидыванию мостика между любым «государством» и убийственным послужным списком государств, которым прежде был дан эпитет «тоталитарных»⁷². Действительно, Коткин различал демократию и государства всеобщего благоденствия; первая – позитивна, за недостатком реальной роли государства, тогда как последние характеризуются государственным принуждением. Его анализ выдвигает связь между жестокостью СССР и понятием государства всеобщего благоденствия на передний план. «Вместо того чтобы считаться патологическим случаем, – утверждает он, – [...] СССР в повести о государстве всеобщего благоденствия может рассматриваться как стандарт, зловещий успех которого бросает вызов остальной части мира» и потому, что СССР «отчасти сформировал основы мира, в котором мы живем».⁷³ Соответствующим субъективным посланием таких интерпретаций было уравнивание государства всеобщего благоденствия с принуждением. Это стимулировало привычное принятие довода, что роль государства должна быть минимизирована, что в свою очередь облегчает аргументацию в пользу сокращения деятельности государственного аппарата в областях, где она была исторически успешна, таких, как здравоохранение. Стартуя от понятия государства как внутренне опасного, идея государства всеобщего благоденствия неуклонно низводилась до убожества наихудших режимов, когда-либо произведенных человеческими обществами. Такая инсинуация приводит к последовательному выводу, что всякая деятельность «общественных» учреждений может быть оставлена как незаконная по своему подтексту.

---

⁷² M. von Hagen, *Soldiers in the Proletarian Dictatorship: The Red Army and the Soviet Socialist State, 1917-1930*, Cornell, 1990, pp. 1-3. См. также J.J. Fitzpatrick, *Stalin's*, p. 213.

⁷³ S. Kotkin, *Magnetic*, pp. 19-21.

Все же такие характеристики, которые постулируют отношения между угрожающим государством и уязвимым гражданином как один из главных пунктов трудности, стоящей перед нашими обществами, фактически вносят свой вклад в неверное понимание природы этих трудностей, именно потому что начинают они с предположения об угрожающем государстве. Ради чего граждане должны стремиться к позитивному взаимодействию с аппаратом, когда его задача поддержания благосостояния, исторически рассматривавшаяся как самая положительная, окрашивается как тоталитарный импульс? Тогда снижение чувства долга и доверия влияет на любой взгляд на отношения между гражданином и государством, которые лежат в основе идей либеральной демократии. Государство теперь - враг, всегда враждебный гражданину. Такая все более бесспорная концептуализация ведет к неверному пониманию трудностей, осаждающих наши политические системы, поскольку принуждает нас рассматривать будущее государства в нашем обществе в терминах страха. Всякая мысль о государстве начинается с идеи, что оно представляет собой угрозу, и потому наш взгляд на его историю, настоящее и будущее должен сосредоточиться на опасности, которую оно в себе несет. Такой подход лишает нас выбора в нашем рассмотрении государства, так как, основывая доводы на страхе, не предоставляет средств анализировать эти отношения полностью. Организованное насилие управляющей элиты, воспринимавшееся мыслителями предшествующих эпох как проявление искажения общественного строя, стало отправным пунктом для всей нашей характеристики отношений между гражданином и правителем.

Результатом явилось представление, что если государство неминуемо принудительно и опасно, то способ взаимодействия граждан и правителей может формулироваться только в терминах ограждения гражданина от посягательств государства и его чиновников. Эта идея потенциально может дать импульс дальнейшему отчуждению между гражданами и правителями как раз в тот момент, когда такая разделенность

становится критической. Сосредоточение на уменьшении роли государства в обществе потребовало определения его «существенных» функций. Поскольку государство теперь определяемо опасностью, «существенные» роли выдвинули на первый план коррелируют с этим характером и были приняты, скорее однородно, как предоставление военных услуг, внутренней безопасности и системы закона, сосредоточенной на идеях вины и возмездия. Некритичное принятие опасного государства и государства как источника насилия по преимуществу ослабляет контроль, осуществляемый гражданином по этим аспектам. Анализ «холодной войны» сумел связать некоторые аспекты государственной деятельности, а именно любые формы социального вмешательства, со злом нацистов, изъав из такого нерасположения полицию, вооруженные и разведывательные силы демократического государства. Поэтому представления «холодной войны» о государстве все более выводят действия властей, наиболее вовлеченных в использование принуждения, из-под контроля тех самых граждан, которым государство, как говорят, и угрожает. Это в свою очередь увеличивает отчужденность между гражданином и политической системой, поскольку гражданин чувствует себя бессильным влиять на этот все более централизованный аспект государственной деятельности. Отсюда, по иронии, самое представление о государстве как принуждающем, отчужденном и опасном облегчает утверждение, что оно исключительно эффективно при оказании силы и принуждения, ибо ослабляет способность гражданина контролировать этот критический аспект власти.

На вышеприведенный довод можно ответить, заявив, что он не выдерживает перед тем фундаментальным фактом, что государство действительно опасно и действительно использует принуждение. Все же упомянутый довод не должен отрицать, что для понимания государства необходимо признать, что управление иногда требует применения силы. Скорее следует подвергнуть сомнению, достаточно ли исторически исследовано утверждение, что государство по сути своей представляет

опасность, чтобы получить статус безоговорочной истины, особенно когда это может иметь существенный и возможно пагубный эффект на общественное отношение к нашим системам правления. Ибо может стать, что с такой посылкой имеется проблема. Она создает отправную точку для анализа, который приписывает первичный признак главному субъекту, эссенциалистское утверждение, которое содержит риск, внутренне присущий всем таким утверждениям, что оно исказит последующую мысль и обсуждаемый вопрос. Такое искажение можно заметить в суждении о труде Макса Вебера: «Staat ist diejenige menschliche Gemeinschaft, welche innerhalb eines bestimmten Gebietes – dies: das „Gebiet“, gehört zum Merkmal – das Monopol legitimer physischer Gewaltsamkeit für sich (mit Erfolg) beansprucht»⁷⁴, к чьему знаменитому определению постоянно обращаются не как к предположению, требующему интерпретации, а как к отправной точке для мысли, и которое берется как основанное на идее о том, что государство есть угроза. Хотя некоторые авторы и обратили внимание на более широкую мысль Вебера, возвращаются они именно к этому определению⁷⁵. Даже те, кто критикует такой базисный центр, такие как Манн и Гидденс, делают это скорее на основаниях проблематичности природы требования монополии силы, чем центрального положения, приписываемого принуждению в понимании государства. Они продолжают использовать изображение государства как принудительного, слитного и отчужденного от гражданина, утверждая, что оно «проникает» в общество насильственным действием регулирования⁷⁶. Все же подход Вебера может быть помещен в традицию, которая отказалась приписывать государству существенно отрицательную природу. Он утверждал, что государство имеет много положительных ролей в таких областях, как гигиена, благосос-

---

⁷⁴ M. Weber, *Politik als Beruf*, Munich, 1926, p. 8.

⁷⁵ Ch. Tilly, *As Sociology meets History*, New York, 1975, p. 45; D. Rueschemeyer, P.B. Evans, *The State and Economic Transformation: Toward an Analysis of the Conditions Underlying Effective Intervention* // Evans et al, *Bringing*, p. 47; and G. Poggi, *op.cit.*, Chapter One and Two.

⁷⁶ M. Mann, *Sources*, 55-7; A. Giddens, *Nation-State*, p. 18.

тояние и культура – не только в областях, где доминируют военные и полицейские силы⁷⁷. Таким образом, недавнее фокусирование на опасности государства полностью искажает всесторонний и сложный подход Вебера, потому что означает, будто бы анализ начинался с того, что государству задается обязательная характеристика (принуждение), на которую затем прививаются другие аспекты. Начиная изучение слов Вебера с несомненного принятия нынешнего негативного представления о государстве, такое фокусирование приуменьшает значимость других областей. Это касается одной из решающих частей словаря Вебера, законности, которая была сведена к статусу камуфляжа для принуждения, а не решающего аспекта самого управления. Например, как выразился Боббитт: «Законность должна скрыть насилие государства, или государство прекратит существование»⁷⁸. Результат - представление о государстве, где, в конечном счете, праву делать нечего, кто бы ни проявлял самое эффективное насилие, где законность стала декоративным подручным. Такие представления меньше похожи на идеи Вебера, чем на идеи Ханса Делбрюка, который утверждал: «Где, в заключительном анализе, покоится действительная сила? Она коренится в оружии. Поэтому решающим вопросом о внутреннем характере государства всегда будет вопрос: кому принадлежит армия?»⁷⁹

Поэтому представляется, что «холодная война» оказала значительное воздействие на нынешнее видение государства. Оно родилось из водоворота взаимных обличений и было выплунуто в измененной и в значительной степени отрицательной форме, воспринятой на сознательном и бессознательном уровне. Результат – видение государства, соответствующее определенной типологии, как агрессивного, опасного, антидемократического и, в конечном счете, разъедающего добродетель и

---

⁷⁷ M. Weber, *Economy and Society: an Outline of Interpretive Sociology*, Vol.2, edited by G Roth and C Wittich, New York, 1968, p. 642. Weber, *Politik*, p. 8.

⁷⁸ P. Bobbitt, *op.cit.*, p. 17.

⁷⁹ H. Delbrück, *Government and the Will of the People. Academic Lectures*, Oxford and New York, 1923, p. 106.

человеческое достоинство. Если, как было здесь предположено, такое отрицательное представление о государстве является порождением недавнего времени и противоречит идеям предшествующих мыслителей, то широкое и некритичное принятие такого представления вызывает серьезные вопросы. Кажется, есть основания задать вопрос: а может ли такой взгляд приниматься как реальность, поскольку он присутствует ныне во многих трудах, или ему следует придать статус предположения? Если имеет место последнее, то данная работа может извлечь пользу из новой оценки идей предшествующих периодов. Представляется, что подходы к государству более ранних авторов, основанные на разделяемой ими посылке о том, что для понимания государства необходимо скорее знание потребностей, стремлений и чаяний граждан, чем восприятие государства как по природе принудительного, отчужденного и слитного, могли бы быть с пользой дела пересмотрены. Если этот довод обладает некоторым весом, тогда, может статься, что продолжение использования модели, несущей на себе столь сильный отпечаток эпохи ядовитой ненависти, окажется проблематичным без реального и трезвого пересмотра, и может оказаться, что в эпоху, когда значительные усилия расходуются на вопрошание об исторической ценности таких понятий, как мужественность, современность и правда, идею о природной опасности государства также стоит пересмотреть.

С английского перевел А. Горлов
(перевод неавторизованный)